

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»,
член Союза писателей России,
кандидат физико-математических наук

*Видёние – литературный жанр,
в котором сюжет видения
излагается от лица визионера,
которому он был открыт
трансцендентной силой.
Видёние – то же, что восприятие;
система мнений, воззрений
о чем-либо.*

История и ЭМОЦИИ

Видение

В подзаголовке не проставлено ударение – потому что оба варианта верны. Литературный текст – но не научный или политический – имеет право на сочетание двух подходов одновременно. И я хочу этим правом воспользоваться.

■ Предварительное замечание общего характера. Любое сообщение – как правдивое, так и ложное – влечет за собой ту или иную эмоциональную реакцию, и в связи с этим оно всегда направлено на что-то, оно чему-то служит. И предвидеть эмоциональный результат воздействия так же важно, как и оценивать истинность

или ложность самого сообщения. Истинность не всегда есть индульгенция на то, что сообщение служит добру. Не к месту сказанные или тенденциозно подобранные сообщения могут нанести человеку и целому обществу урон, сформировать в нем непродуктивное состояние, направить его эмоции – а значит, и поведение – в ошибочном и даже губительном направлении.

■ Когда мы говорим о собственной истории, мы никогда не должны упускать из вида цель – зачем это делается. Если целью является поддержание гордости за Отечество, эмоциональный подъем, стремление к даль-

нейшему развитию самого себя и своей страны — это одно. Если «правдивое» сообщение ослабляет нашу гордость, наш патриотизм, то это другое. Правда, придающая нам силу («не в силе Бог, а в правде!»), — это не просто соответствующая действительности информация или истинное высказывание, а правдивое сообщение, служащее добру, росту гордости и уверенности. Любые сообщения на пути от места их возникновения до средств массовой информации должны быть осмыслены с точки зрения ожидаемого воздействия. И если оно негативно, то место такому правдивому сообщению в лаборатории, медицинской карточке больного, в протоколе осмотра места происшествия, в профессиональной литературе — где угодно, только не в средствах массовой информации, ибо именно они обладают способностью генерировать определенное эмоциональное состояние общества. Когда говорят, что о плохих, постыдных эпизодах оте-

Лев Гумилёв писал: «В нашем понимании термин Византия не только город Константинополь и подвластная ему страна. Не только ортодоксальное православие, но и еретические течения <...> идейная, да и политическая борьба — тоже вид связи, формы развития».

чественной истории неустанно рассказывается для того, «чтобы это не повторилось», — это лукавство. Когда сегодня массированно, ежедневно, по поводу и без повода рассказывают об «ужасах сталинизма» (как вчера говорили об «ужасах царизма» и «религиозном мракобесии» и т.д.), это никак не может гарантировать невозможность их повторения. Это вредная, разрушительная демагогия. Профессиональный анализ политической истории, выявляющий причинно-следственные связи имевших место явлений, позволяющий в дальнейшем осознанно избегать нежелательного, — это важная и нужная часть научной и политической аналитики. Но аналитики, остающиеся вне общественного, массового сознания. На массовое сознание обрушивается

не научная аналитика, а политическая борьба. Коль скоро в этой борьбе используется такой инструмент, как «демократические выборы», то и воздействие на эмоциональный мир электората с целью оттолкнуть его от соперника, связав образ такого конкурента на эмоциональном уровне с «ужасами прошлого», становится практикой актуальной политики с использованием СМИ. То, что при этом народ-электорат разрушает идентификационную матрицу общественного сознания, теряет веру в собственное предназначение, в свою историю, в смысл и оправдание собственной жизни и жизни своих предков, — это не учитывается. Это считается вполне приемлемой платой за достижение власти «демократическим путем».

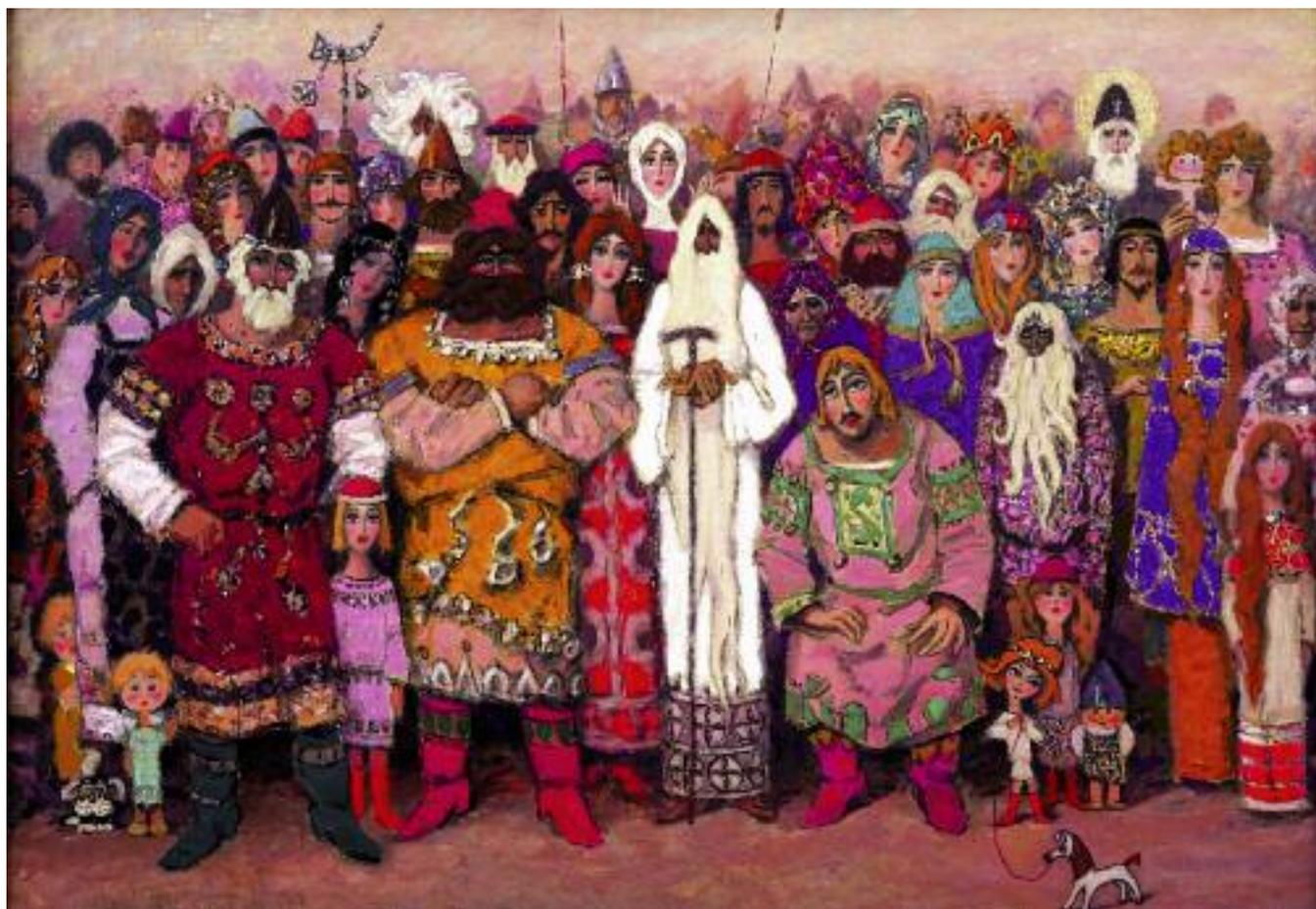
■ Зачем мы сегодня вспоминаем Византию? Чем она так важна для нашей сегодняшней жизни? Лев Гумилев писал: «Византия — культура неповторимая, многообразная, выплеснувшаяся далеко за государственные границы константинопольской империи. Брызги ее золотого сияния застыли на зеленых равнинах Ирландии, и дремучих лесах Заволжья, и тропических нагорьях вокруг озера Цана и Великой Евразийской степи. В нашем понимании термин Византия не только город Константинополь и подвластная ему страна. Не только ортодоксальное православие, но и еретические течения: несторианство, монофизитство, монофилитство, христиане-гностики и т.д. То, что перечисленные течения мысли боролись между собой, не противоречит предложенному значению термина, ибо идейная, да и политическая борьба — тоже вид связи, формы развития». Да, конечно, надо знать о том, что какие-то важные корни нашего живого русского древа уходят в глубину Византийской истории, что православие пришло к нам из Византии... Это надо знать и чтить как память о своих основах, об истоках духовности. Полезны и нравоучительны аналогии процесса гибели Византии с внешне схожими внутренними и внешними проблемами нашей сегодняшней жизни. Возникает надежда, что, зная о печальном опыте Византии, удастся его избежать. Думается, однако, что польза тут скорее дидактическая. Все в мире изменилось, стало намного сложнее, и те самые «вирусы», которые сгубили Византию, тоже модифицировались, хотя и остаются узнаваемыми. И лекарства против них нужны новые... Чем была для нашей страны Византия в последние, ска-

жем, полвека? Практически ничем. Она существовала как не самая популярная страничка мировой истории, как периферия сознания — периферия, не имевшая практической пользы. Даже для такого, как я, чьи греческие предки, проживавшие в Крыму на протяжении тысячелетий, были самыми что ни на есть натуральными византийцами, а тех из них, которые попали в переписи начиная с XVIII века, я просто знаю по именам. А может, именно выборочное забвение и отрицание своей генетической связи с прошлым порождает те угрозы существованию страны, с которыми мы столкнулись сегодня? И еще: умеем ли мы анализировать и извлекать пользу из расхождения ожиданий, надежд и планов, бывших в прошлом, с возникающей действительностью? Каким виделось будущее детей и внуков моим прапрадедам? Что не сбылось и почему? Что тщетно в наших мечтах, а от чего все-таки не стоит отказываться?

■ История — как «то, что было в действительности», — не существует нигде. Ближе всех к тому, что было в действительности, приближается научное историческое знание, потому что только наука руководствуется точными и проверяемыми критериями истинности: например, подлинным документом. Но это дает лишь фрагмент знания о бывшем. Исторические сведения, содержащиеся в преданиях, мифах, легендах, в качестве критерия истинности опираются на эмоциональные заявления рассказчиков типа «старик врать не станут» или «мамой клянусь!» Рассказы о событиях прошлого, закрепленные в религиозных книгах, в качестве критерия истинности объявляют святость текста.

Исторические сведения, изложенные в священных книгах, — это уже не исторические данные, а догматы, не подлежащие изменениям, уточнениям или пересмотру. Из всех информационных ресурсов питаются литература и политика, беря то, что им нужно, и трактуя это, как требуют политический момент и конъюнктура. Массовое сознание получает большую часть сведений именно из этих рук — политиков, публицистов, пропагандистов, литераторов. Вроде бы, и достоверные научные данные от народа никто не прячет, и даже в школьных учебниках они имеются, но историю Франции — не умом, а сердцем — многие воспринимают по «Трем мушкетерам», историю Отечественной войны 1812 года — по «Войне и миру», а Первую мировую — по «Похождениям бравого солдата Швейка». Такова реальность, и политикам она известна. Люди живут не в мире научных фактов, а в мире собственных эмоций. И поведением людей, их предпочтениями управляют не научные факты сами по себе, а эмоции и чувства, которые можно породить разными способами. Мечту тоже рожают эмоции. Строго говоря, мечта — это и есть сложная эмоция, формирующая персональную гамму чувств в образной форме.

■ Если мы хотим, чтобы наша страна и каждый из нас успешно развивались — и духовно, и материально, чтобы мы верили в возможность такого развития и нам хотелось направлять на это свои силы, знания и умения, совершенно необходимо, чтобы в каждом из нас — а уж в целом обществе просто обязательно — преобладало чувство гордости за страну на протяжении всей ее истории, чувство уверенности в своих

Персонажи мультфильма «Детство Ратибора» по повести Валентина Иванова «Русь изначальная»

силах и возможностях, знание о том, что мы и прежде, и сейчас способны достигать намеченных целей. Образ страны на всем протяжении ее истории должен быть позитивным, любимым, славным. Все трудности, все невзгоды и мрачные периоды истории должны восприниматься как естественные трудности на пути развития, как временные неудачи, за которыми наступали победы, как поиск способов достижения высших идеалов. Именно так формируется реалистический образ того, что любишь и ценишь: правдиво, не скрывая изъянов, но с любовью и стремлением создать образ чего-то безусловно ценного.

К сожалению, современное российское общество во всех его сегментах и прежде всего его «политический класс» делают все, чтобы подавить в общественном сознании, в общественной воле малейшие

ростки энергии созидания. Свою страну приказано ненавидеть, презирать, смаковать самые болезненные и трагичные страницы ее истории, а даже об очевидных достижениях требуется говорить как о «произошедших вопреки» или «благодаря помощи извне». Наши современные политики и их помощники, колдующие над риторикой, в которой клубится и бурлит «общественное сознание россиян», тщательно следят за тем, чтобы любые фракции гордости за свое прошлое, любые взвеси, содержащие достижения и победы, любые эманации собственной силы и способностей достигать намеченные результаты осаждались, испарялись, изгибались.

Чем была для нашей страны Византия в последние, скажем, полвека? Практически ничем. Она существовала как не самая популярная страничка мировой истории, как периферия сознания – периферия, не имевшая практической пользы.

■ Мечты о России редко сбывались. Долгая непрерывная череда письменных образов будущего – возможного, должного, нежелательного – никогда полностью не совпала с действительностью. Не совпадали с реальностью и научные прогнозы – от работ Менделеева до Программы КПСС. И это притом что и прогнозы, и планы являлись верными, то есть в них не было ошибок, если не считать ошибкой прогнозирование отсутствия предвидения революций, войн, переворотов.

И в сфере иного – философского, социального – предвидения, чаще всего существовавшего в художественной

История – как «то, что было в действительности» (Леопольд фон Ранке). – не существует нигде. Ближе всех к тому, что было в действительности, приближается научное историческое знание, потому что только наука руководствуется точными и проверяемыми критериями истинности: например, подлинным документом.

литературе, тоже трудно найти что-то, совпавшее с жизнью страны и народа. Сны Веры Павловны у Чернышевского трактовали как предвидение социализма, а романтические грезы Пушкина, обращенные к Чаадаеву, прямо-таки взяли и воплотили в жизнь, написав некие имена «на обломках самовластья». Как очень резко, но в чем-то справедливо писал Солоневич в «Народной монархии»: «Литература есть всегда кривое зеркало жизни. Но в русском примере эта кривизна переходит уже в какое-

то четвертое измерение. Из русской реальности наша литература не отразила почти ничего. Отразила ли она идеалы русского народа? Или явилась результатом разброда нашего национального сознания? Или, сверх всего этого, Толстой выразил свою тоску по умиравшим дворянским гнездам, Достоевский – свою эпилепсию, Чехов – свою чахотку и Горький – свою злобную и безграничную жажду денег, которую он смог кое-как удовлетворить только на самом склоне своей жизни, да и то за счет совзнаков? Я не берусь ответить на этот вопрос. Но во всяком случае – русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости-то были выдуманные». Солоневич, конечно, не эталон научной точности и объективности, но некоторую полезную корректировку «литературного прогнозирования» помогает произвести.

■ Оглядываясь в наше прошлое, мы видим три империи – «три источника и три составных части» разных аспектов нашей истории: Византийскую империю – «Греческое царство», Русское царство – Российскую империю, СССР – Советскую империю. Несомненно, есть основания говорить и о «четвертой империи», так или иначе оказавшей фундаментальное влияние, – Татаро-Монгольской (Ордынское царство, Русско-Ордынская империя и т.п. – как бы ее ни называли).

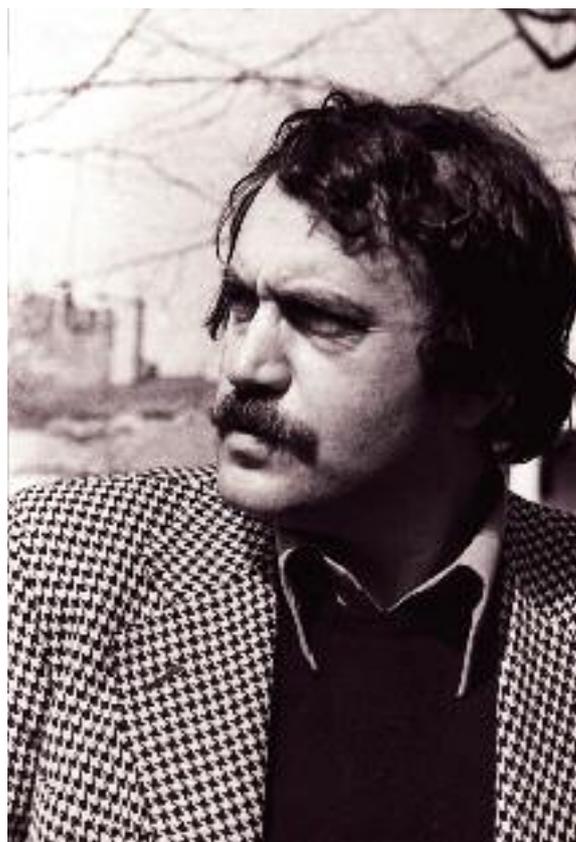
Византия не есть «Россия в прошлом». Это другая – «не наша» – страна. Она лишь влияла на Россию. У России своя собственная – во всех аспектах – история. Мы многие тысячелетия жили и развивались на своей земле, порождая непрерывную цепь поколений, генетически связанных друг с другом. Мы хранили и совершенствовали объединявший нас язык. Мы добывали, развивали и передавали из поколения в поколения знания и умения, ценности и представления о добре и зле. При этом мы вбирали в себя и «переваривали» в собственном культурном котле многое от других стран и народов. В том числе изменялись и развивались наши религиозные представления, и Византия в этом отношении для нас – один из источников.

Мы пытаемся восстанавливать, реконструировать образы прошлых эпох, мы пытаемся заглядывать в мысли и чувства прежде живших людей, стараясь угадать присущие им надежды и чаяния и сопоставить это с тем, что произошло в действительности. Путь этот труден, неточен, но полезен. Потому что важно знать и отдавать себе отчет в том, насколько оправданными являются наши ожидания и вера в будущее, в какой мере мы способны адекватно воспринимать социально-политические тенденции, предугадывать и созидать собственное будущее. В этом смысле наиболее влиятельным, близким, поддающимся практически полезному анализу и осмыслению является советский период нашей истории. К сожалению, этот период используется как резервуар ненависти и презрения, а не источник любви и гордости к стране и народу. Но если мы не научимся из ближайшего прошлого черпать силы и энергию, то где же мы их тогда вообще возьмем?

■ Пользуясь широкими рамками жанра публицистического эссе, обращаюсь к личной памяти и собственным эмоциям как объекту исследования: каким мне виделось будущее в прошлом и что наступило «на самом деле». Теперь, когда мне шестьдесят два года, интересно — по крайней мере, это интересно мне самому — вспомнить и сравнить: что я ожидал от будущего, к чему стремился, что «строил» — и что получилось на самом деле. Мыслями о будущем, образами будущего была наполнена жизнь моего поколения, да и всей страны. Это были 60-е — годы, ставшие именем нарицательным, годы, обозначившие определенное поколение и вполне определенный строй мысли, мотиваций. «Шестидесятники» для меня — скорее старшие братья: не «отцы», но и не ровесники. Большинство «шестидесятников» лет на 10–15 старше, они помнили войну, некоторые даже участвовали в ней. Название, прикрепившееся к этому поколению, по мнению их самих, неточное. Правильнее их было бы называть «пятидесятниками» (Василий Аксенов) — по десятилетию вхождения в жизнь, в профессию, по осознанию ломающейся политической реальности. А вот мое поколение — по тем же признакам — как раз и есть «шестидесятники». Это для нас полетел в космос Гагарин, для нас образовалась группа «Битлз», для нас шло бурное освобождение африканских народов при братской помощи СССР, для нас американцы завязли во вьетнамской войне, для нас на экраны вышли «Кавказская пленница» и «Фантомас».

■ Я не сомневался ни в победе коммунизма, ни в том, что история закономерно развивается от низшего, недоразвито-

го (феодализм, капитализм) к высшему, более совершенному (социализм, коммунизм). Это было не ощущением некой теоретической возможности, а спокойным знанием — сродни уверенности в наступлении зимы или лета. Все вокруг лишь подтверждало мощь и неизбежность прогресса, прежде всего — развитие техники. Каждодневно ощущалась могучая поступь научно-технического развития: первый спутник, второй — уже побольше, потяжелее. Потом настал черед собачек Белки и Стрелки, потом и до Луны долетели, потом Гагарин—Титов—Николаев—Попович—Быковский—Терешкова... Я всю жизнь, как музыкальную фразу, помню эти имена. Научно-технический прогресс пронизывал всю нашу жизнь не только в космосе, но и в ежеднев-

Мыслями о будущем, образами будущего была наполнена жизнь моего поколения, да и всей страны. Это были 60-е — годы. Большинство «шестидесятников» лет на 10–15 старше, они помнили войну, некоторые даже участвовали в ней. Правильнее их было бы называть «пятидесятниками» (Василий Аксенов).

ных победах развивавшейся промышленности: то запустят какой-то «стан-3500», то небывалую плотину для ГЭС построят, непрерывно появлялись все более совершенные модели самолетов: Ту-104, Ту-114, Ту-134, Ту-144, Ил-18, Ил-62, Як-40. Да и бытовая техника не стояла на месте: холодильники, стиральные машины, телевизоры и радиолы, магнитофоны, пылесосы и полотеры — все вместе формировало ощущение не только очевидности прогресса вообще, но и фактического его присутствия в жизни.

Гармония ощущалась не только в научно-техническом прогрессе, но и, как ни странно, в постоянной нехватке чего-то в жизни. Пресловутый дефицит выполнял и некую позитив-

ную роль: он был тем, что следовало преодолевать, — и многое действительно преодолевалось. Нехватка вещей, их недоступность играли роль «зла», которое, однако, было злом побеждаемым. Дефицит и прочие жизненные несовершенства обеспечивали диалектическое противоречие, являвшееся источником движения вперед, развитием. Был ясен путь, ясна была и цель — коммунизм, общество справедливости: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Пока этого не получалось, но таким, как я, было совершенно ясно, что со временем получится.

■ Прогресс был виден и ощутим не только в научно-техниче-

ской области. Сетования поэта Слуцкого: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», — были поэтической шуткой, не более. «Лирики» находились не просто «в почете», а прямо-таки в фаворе. Слава и обласканность властью наших знаменитых «стадионных» поэтов, наших «звезд советской эстрады», наших кинематографистов, писателей, художников были предельными. Нынешнее бляение «кумиров прежних лет» по поводу того, что им «не давали», их «не пускали», их «запрещали», выглядит унижительными нищенскими побасенками, рядом с которыми присутствовать стыдно, не то что их произносить. Те, которые действительно попадали под несправедливые жернова судьбы и системы, разумеется, были, но их для столь мощного многоголосого хора нынешних псевдожертв «тоталитарного режима» не хватило бы. Несомненно, наряду с такими, как я, были и люди с совсем иными представлениями о должном. И их право на иной взгляд ничуть не меньше моего. А их роль в судьбе — страны и моей личной — оказалась гораздо важнее моей собственной.

■ Возвращусь к образу будущего, которое нами ожидалось, не ограничивая себя словами «коммунизм» и «светлое будущее», а пытаясь нащупать наиболее глубинные чаяния — мои и окружавших меня людей. Пытаясь восстановить свои ценностные представления тех лет, я стараюсь вспомнить: к чему, по моему тогдашнему мнению, следовало стремиться, что есть успех. Думаю, именно этот аспект жизненной философии наилучшим образом характеризует представления о должном, желанном будущем, а вовсе не лозунговые и плакатные кон-

цепции политических теорий. Главным в жизни считалось (мною и близкими) «найти себя», определить ту профессию, то поприще, к которому есть природные склонности, талант, если он имеется. Максимально раскрыть, развить свои способности — именно это представлялось наиболее важным. Все остальное (деньги, слава, общественное положение) считалось второстепенным. И при этом — естественным следствием правильности выбора. Если ты не ошибся в выборе профессии — признание и успех придут обязательно!

■ Я получил лучшее в мире образование. Звучит вызывающе и претенциозно, однако, полагаю, что дело обстоит именно так: я окончил физический факультет университета по специальности «теоретическая и математическая физика». Можно, конечно, при оценке уровня полученного образования сравнивать достаточно важные, но вторичные признаки: какой именно университет, с какими оценками и т.д. Эти факторы значимые, но не отменяют высказывания в его общем смысле: образовательная программа и качество преподавания, мне предоставленные, соответствовали высшему уровню мировых достижений в этой сфере. Я знал физику и математику не хуже выпускников Кембриджа, Гарварда или Массачусетского технологического университета — что впоследствии жизнь подтвердила. Мы находились на уровне самых последних достижений науки и обладали передовыми исследовательскими навыками. Мы ощущали себя полноценной частью единого мирового процесса «познания природы». Говоря языком современным, мы (физики-математики) давно и всецело были глобализи-

рованы, у нас на всех была одна общая система знаний и умений, общая и цельная картина мира, созданная усилиями мировых гениев из разных стран и народов. Поэтому у меня не было причин для устойчивого недовольства действительностью.

■ Гуманитарии зачастую находились в ином положении, сфера их деятельности — в какой бы стране и в какие бы времена они ни находились — всегда весьма жестко ограничена и предопределена языково-культурной и политической средой. Разумеется, это было и ныне является серьезной причиной для недовольства политической (культурной, языковой, религиозной и т.д.) средой обитания и профессиональной деятельностью многих гуманитариев. Граница между «гуманитариями» и «негуманитариями» в том смысле, о котором я сейчас говорю, очень условна. Например, физик Андрей Сахаров в силу обстоятельств личного и, возможно, мировоззренческого характера весьма остро вдруг почувствовал «несвободу», до которой многим другим физикам не было никакого дела либо они не придавали этому такого значения.

■ Поскольку я родился в семье, в которой общая культура и научная работа ценились превыше всего, то соответствующая иерархия смыслов была мною воспринята как нечто естественное, тем более что система ценностей, пропагандировавшаяся в стране, не вступала с ней в противоречие. Путь «восхождения к успеху» был для меня понятен: университет—аспирантура—кандидатская—докторская... И главным во всех этих формальных вехах была профессиональная и творческая со-

стоятельность, признание профессиональной среды, общее содержание жизни. Мое успешное будущее годам к шестидесяти представлялось примерно следующим. По формальным признакам: доктор физико-математических наук, профессор, автор некоего «достаточного» количества опубликованных научных работ и монографий, в которых отражены полноценные (в меру таланта и усердия) результаты исследований. По внутреннему содержанию: максимально широкая эрудиция в разных областях, основательное знание мировой литературы, искусства — живописи, музыки, театра, кино. По материальному уровню: очевидное и автоматически возникающее благосостояние профессора вуза — квартира, наполненная хорошей библиотекой и собранием грампластинок, быть может, автомашина, возможность путешествий по родной стране, а в исключитель-

Научно-технический прогресс пронизывал всю нашу жизнь не только в космосе, но и в ежедневных победах развивавшейся промышленности: то запустят какой-то «стан-3500», то небывалую плотину для ГЭС построят, непрерывно появлялись все более совершенные модели самолетов: Ту-104, Ту-114, Ту-134, Ту-144, Ил-18, Ил-62, Як-40.

ных случаях и за границу. По признакам, так сказать, демографическим — полагал иметь семью, двоих-троих детей и некоторое количество внуков, а также сохранять тесные отношения с родственниками и друзьями, то есть поддерживать «родоплеменной» и «профессионально-дружеский» кластеры общения. По признакам «метафизическим» я вообще ничего не хотел обрести в будущем, поскольку ни о чем подобном не думал: я считал себя атеистом «как все», и ни проблема загробной жизни, ни проблема греха или спасения души меня не интересовали. Церковь как религиозный институт я воспринимал как пережиток прошлого, ко-

торый должен отмереть сам собой. А вот к Церкви как объекту культурно-исторического наследия я относился с любовью, считая, что храмы надо беречь и восстанавливать, что церковную музыку надо исполнять и слушать, что иконы — важнейшая часть русского искусства и т.д.

■ Я не хочу представлять нашу семью неким оторванным от реальной жизни островком «материалистического идеализма». Были у нас и критический взгляд на происходящее, и достаточно жесткие оценки прошлого, и неудовлетворенные бытовые нужды, и систематическая нехватка денег, и

Евгений Евтушенко

Сетования поэта Слуцкого: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», – были поэтической шуткой, не более. «Лирики» находились не просто «в почете», а прямо-таки в фаворе. Слава и обласканность властью наших знаменитых «стадионных» поэтов, наших «звезд советской эстрады», наших кинематографистов, писателей, художников были предельными.

неприятие многих глупых императивов, принятых в обществе. Видел я вокруг себя и другие семьи, и другие идеалы. Сейчас для меня именно эти отличия, их природа стали одним из самых главных «внутренних дискурсов». Я пытаюсь понять природу того смер-

тельно опасного раскола, в котором мы существуем и который продолжает с огромной настойчивостью добивать страну. Я хотел бы максимально глубоко и обстоятельно понять, почему родившийся в 1902 году в Костромской губернии Белкин Николай Ива-

нович (мой отец) и родившийся в 1921 году в соседней Ярославской губернии Яковлев Александр Николаевич (член Политбюро ЦК КПСС, «про-раб перестройки») столь различны по своим глубинным принципам, по своим ценностям? Почему первый – просто и без пафоса любил свою страну и всю жизнь отдал науке, второй – «тоже-ученый» – стал ее сладострастным палачом? Почему я, родившийся в Ярославле в 1950 году, люблю свою страну во всей ее сложной и противоречивой целостности, а родившаяся со мной в один год в Барановичах Валерия Ильинична Новодворская ненавидит ее с глубокой профессиональной самоотверженностью санитаря-истребителя вредных насекомых? И можем ли мы найти компромиссное сосуществование во имя общих для нас высших ценностей?

■ Восстанавливая тот образ будущего, который существовал в моем воображении в далеком прошлом, могу быть неточен во многих деталях, но при этом я уверен, что существенные, базовые черты передаю правильно. Во всяком случае, о том, к чему пытаюсь пробиться – к ценностному ядру семьи и моему личному, – стараюсь писать правдиво.

■ Благословенные шестидесятые сменились семидесятыми – именно этот период сейчас называют застоем. В том контексте, о котором я пишу, те годы – как раз не застой, а начало мощной турбулентности, сомнений, расхождений в жизненных принципах, для многих – переоценки фундаментальных взглядов на общество и государство. Для меня основным источником этих «возмущений» была среда научно-технической интеллигенции, часть которой начала эмигрировать,

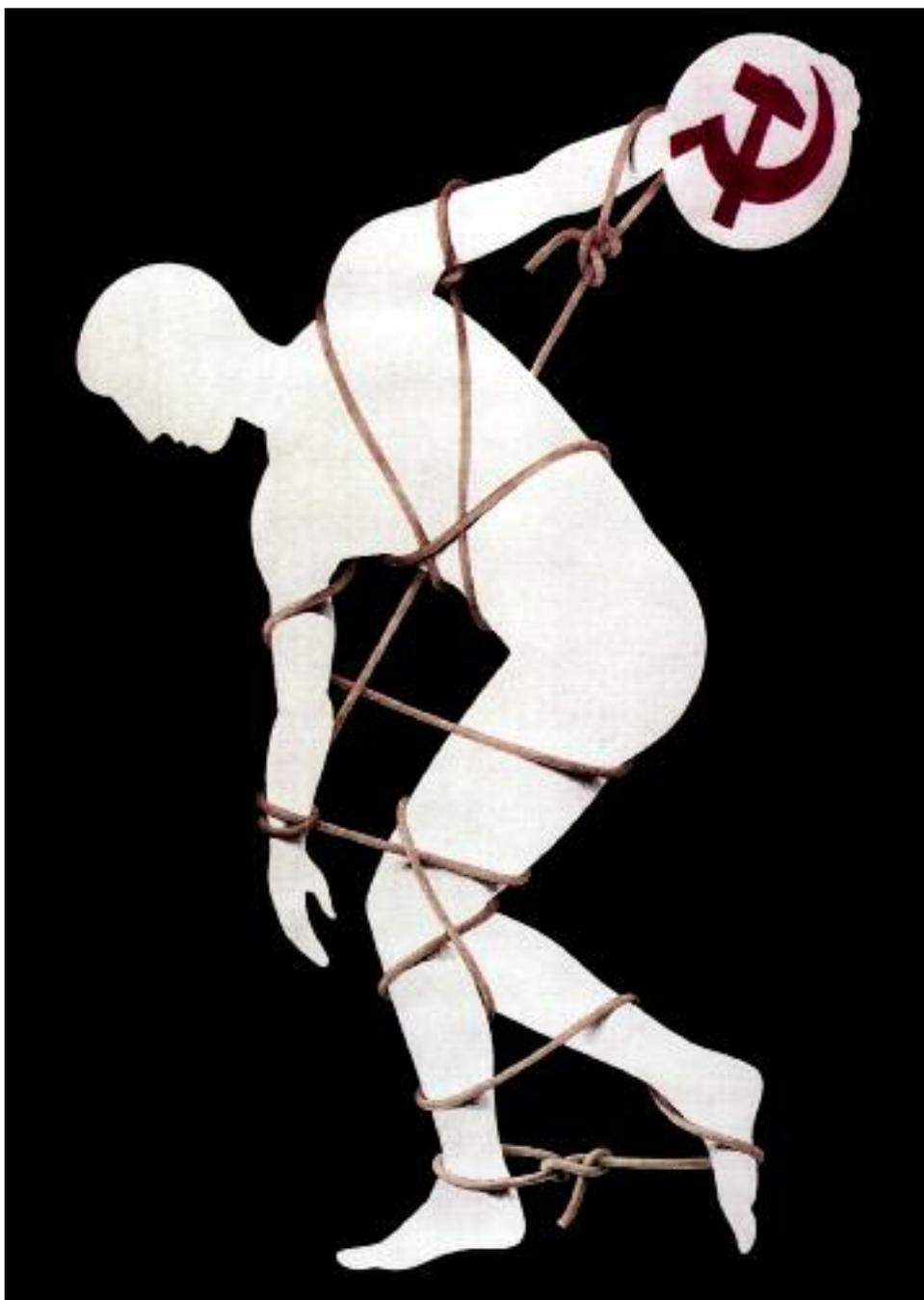
что сопровождалось пересмотром взглядов на «идеалы коммунизма» и на «пороки капитализма». Сердцевиной такого пересмотра и такой переоценки в большинстве случаев была неудовлетворенность материальным положением и материальными перспективами в сравнении с таковыми в «развитых странах». В иных случаях неудовлетворенность исходила из религиозного или национального дискомфорта. Я, разумеется, находился под влиянием этих разговоров, периодически погружался в информационный поток, описывавший замечательную, изобильную жизнь «там» и мрачную несвободу в мире тотального дефицита «здесь». При этом, однако, мое ценностное ядро — как я теперь понимаю и формулирую — не размывалось, не разрушалось. Я лишь становился более информированным, но не утрачивал при этом благоразумной способности подвергать сомнению любые сведения. Во мне не происходила смена представлений о «правильном пути», не формировалась стратегия перебежки «туда, где лучше». И если я к концу семидесятых уже догадывался, что в восьмидесятом году коммунизм построен не будет, то считал это лишь неточностью прогноза, ситуативной ошибкой, а не принципиальной непригодностью парадигмы. Важно также отметить, что к концу семидесятых мой критицизм в отношении существовавшей политической системы и ее справедливости изрядно возрос. Вера в «неотвратимое» светлое будущее подугасла, а значимость материального фактора возросла. Разнообразие судеб и жизненных путей моих коллег, сверстников, множественность факторов, влиявших на это, указывали, как минимум, на то, что не все в жизни так однозначно и «единственно верно», как думалось в юности. Я

Граница между «гуманитариями» и «негуманитариями» в том смысле, о котором я сейчас говорю, очень условна. Например, физик Андрей Сахаров в силу обстоятельств личного и, возможно, мировоззренческого характера весьма остро вдруг почувствовал «несвободу», до которой многим другим физикам не было никакого дела либо они не придавали этому такого значения.

тогда еще не мог осознать «джексон-вэниковскую» эмиграцию моих коллег и знакомых как «смену личной парадигмы», но ясно осознавал притяжение ими других «правил игры», других жизненных ориентиров, которые они воспринимали не только как более выгодные, но и более справедливые для себя и своих детей. Ради этого они отказывались от культурной и языковой среды, не просто принимая неизбежность превращения их детей и внуков в иной культурно-языковый тип, но и горячо желая этого.

■
Восьмидесятые годы с очевидностью продемонстрировали марзматиическую беспомощность высшей власти, необходимость перемен, но таких перемен, которые приведут-таки к построению общества всеобщей справедливости — общества, по-прежнему называемого коммунизмом или «социализмом с человеческим лицом». Любой партийный лидер, призвавший к переменам, был обречен на успех и всенародную поддержку. Таковым оказался Горбачев. Конечно, важно

Благословенные шестидесятые сменились семидесятыми – именно этот период сейчас называют застоем. В том контексте, о котором я пишу, те годы – как раз не застой, а начало мощной турбулентности, сомнений, расхождений в жизненных принципах, для многих – переоценки фундаментальных взглядов на общество и государство.

понять, кто он – дурак или умница, мерзавец или праведник, предатель или герой, политический диверсант или кто-то еще. Важно – но не для моих рассуждений. Для моих рассуждений важнее, что в результате его деятель-

ности у меня было отнято будущее. То самое будущее, к которому я стремился, к достижению которого готовил себя и своих детей. То будущее, за которое я нес ответственность перед поколениями своих сограждан.

■
Конец восьмидесятых для меня стал периодом трагической ломки многих жизненных реалий. Мне пришлось окончательно отказаться от своей профессии и от научной работы вообще. Многие оказались вынужденными не жить и развиваться, а выживать, чтобы хотя бы как-то дать возможность своим детям вырваться на дорогу, где, быть может, будет творчество, развитие, профессионализм, успех. Пути к этому лежали или через эмиграцию, или через соучастие в погроме («совков» и «коммуняк»), или через предпринимательство, которое в случае удачи могло дать деньги. А деньги стали с тех пор главным «ресурсом всего». Задача осложнялась тем, что я жил в одной из бывших союзных республик и не относился к титульной нации. Поэтому в политической жизни я мог участвовать только как объект унижения, как носитель вины за «историческое прошлое» и никак иначе. Даже коллаборационизм не обеспечивал выхода из униженного сословия. Жизнь в режиме выживания отвратительна. Это особенно естественно для тех, которые уже жили иной – одухотворенной – жизнью, ставили и достигали высоких целей, осваивая изощренно-сложные профессии, востребованные и оцененные обществом, которые двигались от простого ко все более и более сложному. «Модус вивенди» и «модус операнди» нового общества стали определять авантюристы и бездари, лишённые стремления к развитию. Развитие – это непременно поиск и обретение нового. Захватившие власть эпигоны не стремились к новому. Они довольствовались копированием, подражанием. Их вожделенным результатом стало не нечто новое, а деньги, которые

можно заполучить и в жанре имитации.

■ Важно отметить фактическую смену сути парадигмы существования: прежде я понимал, что достижение духовного (профессионального, научного и т.д.) результата влечет за собой материальное вознаграждение. Теперь все изменилось: обеспечить (неважно каким способом!) материальный результат, а уж потом сможешь, если захочешь, попытаться приобщиться и к культуре, и к духовности.

■ Подводя итог моему рассуждению об образе будущего (или о «видении» — с обоими ударениями), с которым прожита первая половина жизни, необходимо сделать следующие выводы. До тех пор пока не наступила скоротечная гибель парадигмы, которой этот образ

Любой партийный лидер, призвавший к переменам, был обречен на успех и всенародную поддержку. Таковым оказался Горбачев. Конечно, важно понять, кто он — дурак или умница, мерзавец или праведник, предатель или герой, политический диверсант или кто-то еще. Однако для моих рассуждений важнее, что в результате его деятельности у меня было отнято будущее.

соответствовал, он придавал дополнительные смыслы, оправдания и утешения в жизни реальной. Его роль была двойственной: служа подспорьем для формирования позитивных смыслов бытия, он не способствовал своевременному критичному восприятию действительности, регистрации новых общественных процессов и явлений, постижению их сути, выработке защитных механизмов, формированию скорректированных образов будущего. Но не считаю, что этот образ навеки исчез: он существует на складе идей и образов, он еще может быть востребован как экспериментальная модель,

как неудавшийся прототип возможной усовершенствованной модели в будущем. Образ коммунистического будущего не был создан мною самим. Он был предложен извне, а я лишь надлежащим образом его воспринял с помощью существовавшей системы образования, культуры, политического просвещения и пропаганды, семейного воспитания. Сейчас ни у меня, ни у всех остальных, собирающихся жить в России, нет образа будущего. Во всяком случае — нет образа позитивного будущего. Мрачных антиутопий — сколько угодно, и аз многогрешный тоже приложил к этому руку.

■ В общем, мы оказались живущими в пространстве триллера: позади мрак и ужас, впереди — ужас и мрак. В такой системе координат не хочется искать пути ни вперед, ни назад. Отсюда хочется только бежать или... проснуться. Проснуться и осознать, что прошлое было прекрасным, а будущее станет еще прекраснее! Но как это сделать, не впадая из одной вредной ереси — оплевывания прошлого и демонизирования будущего — в другую — лакировку прошлого и сочинение очередных сусальных утопий? А для этого нужна правильная социальная философия, позволяющая сохранять социальное здоровье и развиваться, раскрывая свои потенциалы. Сегодня у нас нет социальной философии как метода осмысления действительности и выработки стратегии движения в будущее. Из-за этого мы хватаемся за какие угодно критерии — экономические, политические или даже вовсе метафизические, упуская возможность жить здоровой социальной жизнью.

■ Персональная и социальная психологии в этом очень близки. Человек может извлечь полезный урок из произошедшего с ним одним единственным образом — освоением современных методов самоанализа, таких, например, как самогенное мышление. С его помощью можно не просто разобраться, а научиться управлять своими эмоциями (обидой, виной, ревностью, страхом и т.д.), а не находиться в их власти или пытаться подавить их в себе. Общество тоже переживает эмоции. И если эти переживания не «размыслить» в соответствии с эффективными методиками, если не выработать правильную социальную философию, общество будет болеть — и бо-

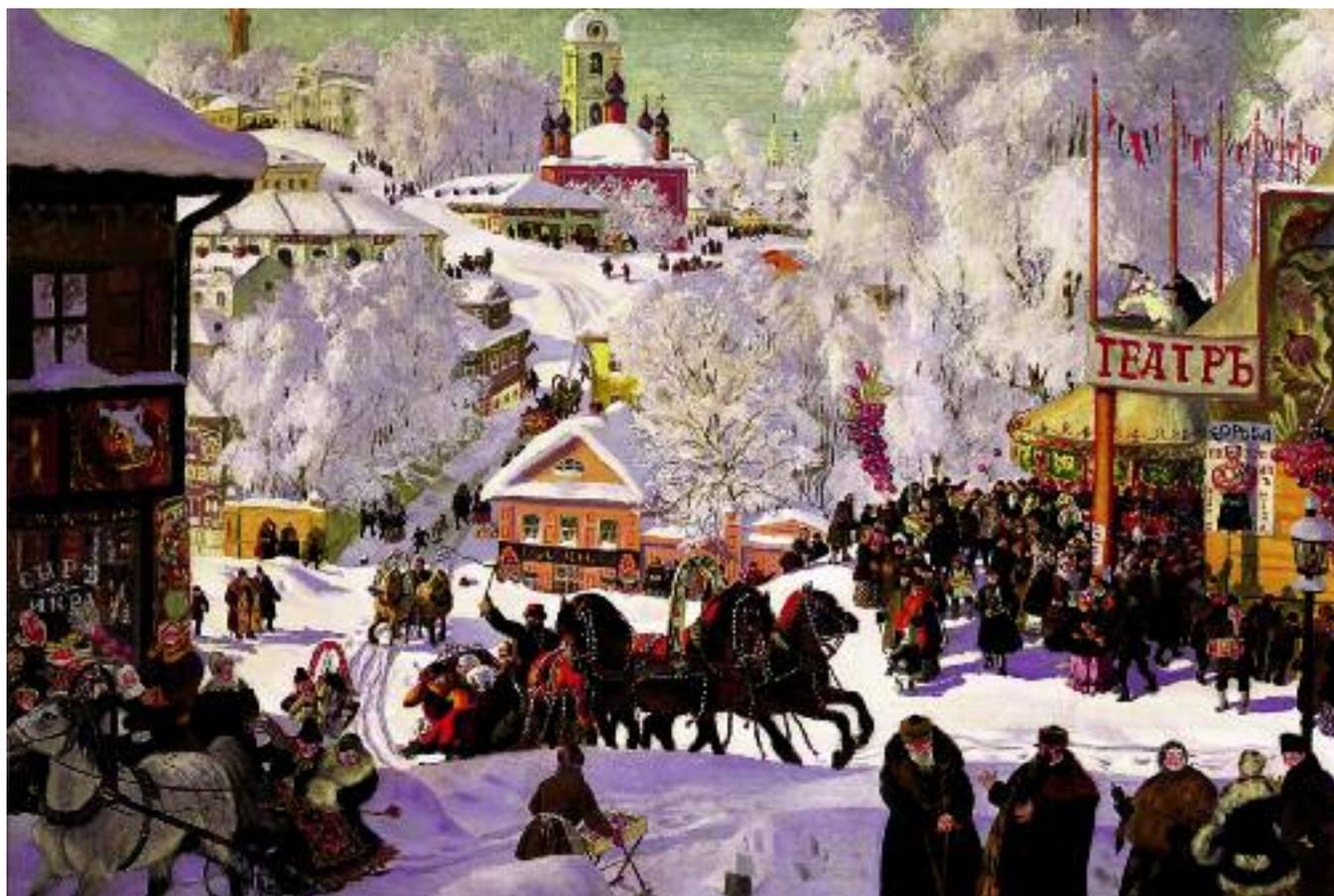
леть смертельно. Психологические механизмы личной и социальной психологии схожи. Правда, соответствующие методики для общества пока не разработаны.

■ Но если для самого себя человек и является «нравственным субъектом», то кто является «нравственным субъектом» для общества? Есть ли у нашего общества этот субъект? Чаще всего, как только речь заходит об общественной морали, взоры обращаются к церковным институтам традиционных конфессий, поскольку вопросы нравственности всегда находились в центре внимания верующих и священнослужителей. Кроме практического опыта, у Церкви есть и теоретический базис, критерии морали, система нравственных координат, восходящая в случае христианства, например, к Нагорной проповеди Иисуса Христа. Выполняют ли сегодня Церкви эту социальную функцию — быть нравственным субъектом общества? Мне кажется, нет, не в полной мере. По ряду ключевых моментов жизни нашей страны и общества Церковь заняла выжидательную, молчаливую позицию, самозащитно напоминая, что ее главная функция — не дела земные, а мир горний.

■ Было бы хорошо, если бы кто-то написал «Историю справедливости». Рассмотрел бы изменение содержания этого понятия в разные времена и у разных народов, показал бы отличия в восприятии справедливости у разных слоев одного и того же общества, привел бы примеры справедливости и несправедливости и объяснил бы причины и того и другого. И рассказал бы о последствиях для общества, не распознавшего массовую не-

справедливость одних по отношению к другим.

■ Все размышляющие о главном качестве, главном отличии желанной России будущего приходят к одному и тому же понятию — справедливость. Все хотят жить в справедливом обществе. Но надо помнить, что представления о справедливости существенно разнятся в зависимости от того, по какую сторону прилавка ты находишься. Надо понимать, что, совершив нечто безнравственное в масштабах всего народа, всей страны, нельзя сделать вид, что этого не было, или представить это как деяние нравственное — в надежде, что «все забудется». Не получится. На безнравственной основе не построить честного и справедливого мира. В истории мировых революций всегда имел место порыв народных масс к справедливости. Ради ее торжества убивали и грабили. Проходило время, и «кое-какая» справедливость «кое в чем» устанавливалась. Всем достижениям советской власти — реальным и несомненным — и действительно высоким идеалам эпохи предшествовали преступно-безнравственные поступки «революционных масс» и их «комиссаров». Да и те, которые боролись с советской властью — за «свою справедливость», — тоже попирали нравственные законы. Смогли ли мы дать этому взвешенную нравственную оценку? Понимаем ли мы — зачем нужна подобная оценка, какой вообще должна быть оценка, направленная на подлинное примирение? Нет, мы лишь усилили общественный раскол, поляризуя противоположные позиции. Как вообще этого добиться, кто должен и может сделать это общественно признанным? Попытки достигнуть этого в форме осуждения «культы личности»

Борис Кустодиев. Масленица. 1919

и его ремейка под названием «десталинизация» не принесли должного нравственного эффекта в силу своей ошибочности: оценивали не тех, не так, не тогда, не за то и не те.

■ В непрерывной нравственной оценке — а это всегда оценка эмоциональная — происходящего во всех сферах жизни состоит важнейшая функция и социальной философии, и исторической науки, и Церкви, и действующих политиков, и деятелей культуры. Надо давать нравственную оценку событиям прошлого, исходя как из так или иначе понимаемых нравственных устоев прошедшего периода, так и из норм дня сегодняшнего. Но и этого мало. Надо аккуратно разбираться в причинах, истоках, мотивациях, подвинувших народ, его политических лидеров на те или иные деяния. У нас пока нет механизма, который позволил бы это сделать. На

Без массового деятельного оптимизма мы рассыплемся, развалимся, разбежимся. А где же взять его — этот самый деятельный оптимизм? А в самих себе, в своей собственной истории — позитивно окрашенной и воспринимаемой, представляющей Россию в красочном светлом образе.

мой взгляд, его нет и в мире. Те народы, которым пришлось залечивать похожие исторические раны, лишь закрывали — более или менее гуманно — глаза на проблему, делая вид, что ее уже нет. Но ни один народ, переживший обиду — этнической, религиозной или политической природы, — не забывает о ней, пока он существует. Он может длительное время вести себя так, как будто «все прошло», но при малейшем раздражителе обиды оживают и становятся готовыми снова определять поведение.

■ Сегодня страна и ее политическая элита погружены в пессимизм, у них нет ни веры, ни

надежды. Пессимистом можно, а иногда и должно быть в академическом институте или на университетской кафедре. Но если ты хочешь что-то конкретное сделать в реальной жизни, если ты политик, желающий чего-то достичь, ты обязан излучать энтузиазм и веру в успех. Без массового деятельного оптимизма мы рассыплемся, развалимся, разбежимся. А где же взять его — этот самый деятельный оптимизм? А в самих себе, в своей собственной истории — позитивно окрашенной и воспринимаемой, представляющей Россию в красочном светлом образе. А к тем, для которых образ России иной — грязно-негативный, — я и не обращаюсь! ☹